

Е. С. Ревякин

Кандидат исторических наук, доцент кафедры «Связи с общественностью и массовые коммуникации» Ивановского государственного энергетического университета

Об отношении к памятникам церковной архитектуры в 30-е годы XX века в Ивановской промышленной области

30-е годы XX века вошли в отечественную историю как время «воинствующего безбожия», когда государство активно проводило политику, направленную против религии, подвергло разгрому Русскую Православную Церковь и другие конфессии. Вместе с религией уничтожалась и культура. Происходило осквернение храмов, монастырей, повреждения их внешнего и внутреннего вида. В последующие периоды истории из опыта варварского отношения к памятникам церковного зодчества были извлечены серьезные уроки. В послевоенные годы во Владимире, Суздале, Ярославле, Ростове Великом были проведены реставрационные работы, созданы историко-архитектурные музеи-заповедники. Благодаря самоотверженному труду ученых-реставраторов большинству сохранившихся храмов и монастырей был возвращен первоначальный вид, они вновь стали неотъемлемой частью культурного наследия России.

Ключевые слова: государство, религия, памятники церковного зодчества, архитектура, Ивановская промышленная область.

30-е годы XX века вошли в отечественную историю как время «воинствующего безбожия», когда государство активно проводило политику, направленную против религии, подвергло разгрому Русскую Православную Церковь и другие конфессии. Отношение к религии как предрассудку, пережитку прошлого в сознании людей, резкое сокращение числа действующих храмов остро поставили вопрос об их дальнейшем использовании и отношении к ним. Крупным теоретиком этого вопроса был нарком просвещения А.В.Луначарский, который в статье «Почему мы охраняем церковные ценности?» (1926) писал: «Светская жизнь, военная и политическая дошла до нас сквозь церковь. Церковь была сосредоточием культуры, духовенство было интеллигенцией» [2, с. 214]. Он считал, что, несмотря на то, что церкви создавались как храмы «ложным богам», нельзя их разрушать только по этой причине. Поэтому, по его твердому убеждению,

памятники церковной архитектуры как часть культуры подлежали сохранению. В связи с этим А.В.Луначарский подчеркивал, что: «Пролетариат ... должен суметь покончить со всем безобразием прошлого, а красоту прошлого уберечь» [2, с.215] и считал величайшей ошибкой то, что многие храмы не сохранены в первоначальном виде, а их реставрация нанесла им вред. При этом он считал, что для одних они являлись местом для молитвы, а для других – памятниками старины, которые они оберегали «во имя растущей и заботливо относящейся к своему прошлому культуры» [2, с. 216]. В 1929 году в статье «Сохранение и изучение памятников религиозного искусства» (1929) А.В.Луначарский убеждал в том, что когда вера в богов «умирает», религия сохраняет ценность как памятник прошлого и получает громадный эстетический интерес, потому что церковная жизнь в России за много лет создала немало прекрасного в области архитектуры, музыки, иконописи. Но церковь в России долго была оплотом старого

общества, поэтому многие питали к ней неуважение, которое приводило к неуважительному отношению к церковным ценностям вообще, а ненависть к религии бросала тень на религиозное искусство. Поэтому, по убеждению А.В.Луначарского, необходимо «охладить пыл» энергичных деятелей, жаждущих разрушения памятников церковного зодчества, которые необходимо не только сохранять и восстанавливать, но придать им первоначальный вид [2, с. 374-376]. Таким образом, Луначарский А.В. предложил разумный подход в отношении памятников церковной архитектуры, который предполагал их реставрацию, сохранение в первоизданном виде. В качестве музеев они должны были стать неотъемлемой частью новой социалистической культуры.

Требование сохранения храмов содержало и Постановление ВЦИКа и Совнаркома РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 года. Его статья № 30 установила, что молитвенные здания, имеющие историческое, художественное и архитектурное значение передавались в пользование религиозных общин с обязательным соблюдением установленных правил учета и охраны памятников искусства [6, 478]. Согласно статье № 40 при ликвидации культового здания все предметы исторической, музейной и художественной ценности передавались органам Наркомата просвещения [6, с. 479]. Статья № 42 постановила, что на местный учет должны поступать только те постройки закрытых молитвенных зданий, которые не состоят на учете Главнауки Наркомата просвещения как памятники архитектуры или не могут быть использованы под культурно-просветительные учреждения и жилье [6, с. 479]. То есть, это Постановление потребовало использования практически всех закрытых храмов только под культурно-просветительные цели. Предполагалось, таким образом, превращение культовых зданий из «очагов мракобесия» в центры новой культуры.

Но на практике эти требования закона не выполнялись. Ивановская Промышленная область, включавшая большую часть территории современных

Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской областей, была одним из регионов, для которых это было наиболее характерно. Например, в Кинешемском округе за период с 1917 по 1929 год было закрыто 4 монастыря и 8 церквей, из которых только две использовались под культурно-просветительные цели (Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р-1420. Оп. 6. Д. 36. Л. 8, 10). На 1 января 1932 года в Ярославле только 26 из 51 уже недействующих церквей использовались под нужды культурно-просветительных учреждений. В Ярославском же районе 4 из 15 недействующих, но официально незакрытых церквей не использовались вообще (ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 1. Д. 1. 130, 135). Подавляющее большинство из недействовавших храмов разрушались и теряли свою художественную и архитектурную ценность. Так, в Костроме к марту 1931 года из 42 закрытых молитвенных зданий и 10 помещений неспециальной постройки, принадлежавших различным религиозным конфессиям (православные, лютеране, мусульмане, иудаисты) 10 было снесено и 27 переоборудовано (ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 3. Д. 64. Л. 143).

За сохранение памятников архитектуры отвечали органы Наркомата просвещения, Главнаука и музеи. В 1930 году на учете в Главнауке Наркомпроса состояло 565 памятников церковного зодчества. 44 из них имели высшую, 124 – первую, 180 – вторую и 105 – третью категорию (ГАИО. Ф. Р-1510. Оп. 1. Д. 3373. Л. 52, 55). Специальные комиссии при определении степени художественной и исторической ценности руководствовались в основном датой постройки храма. Поэтому церкви, построенные в 19-20 веках, не считались памятниками архитектуры и не охранялись органами Наркомпроса. Например, в 1925 году специальная комиссия сделала заключение о том, что зимнее здание Крестовоздвиженского храма в Иваново-Вознесенске – «примитив конца 19 века», его внешний и внутренний вид никакой художественной ценности не имеет и поэтому может быть приспособлено под государственное учреждение. 6 ноября 1929 года оно было передано под хлебохранилище (ГАИО. Ф. Р-31. Оп. 8. Д. 2. Л. 135, 182). В Иваново-Вознесенске только 3 храма было

объявлено памятниками архитектуры: 1) Покровский собор (холодная церковь) (1693); 2) Троицкая церковь (зимняя) (1817); 3) Успенская церковь (конец 17 – начало 18 веков). При этом первые два имели лишь вторую категорию. В Ярославле на учете стояло 58 памятников церковной архитектуры (8 – высшей, 21 – первой категории), а на территории бывшей Владимирской губернии из 105 памятников церковной архитектуры только 7 было отнесено к высшей категории, в том числе Боголюбский и Спасо-Ефименский монастыри, Рождественский собор (1166), Успенский собор (1158), церковь Покрова на Нерли (1166) и Дмитриевский собор (1158).

3 апреля 1930 года областной музей в письме в Облоно подтвердил свой подход в оценке художественной значимости храмов и монастырей. Поскольку памятники церковного зодчества оценивались по старым книгам, в основном на основе даты постройки, требовалась переоценка и снятие многих из них с учета (ГАИО. Ф. Р-1510. Оп. 1. Д. 3373. Л. 55-82). Еще в 1929 году Ивановский Облоно согласился на снос трех церквей и колокольни в Ярославле как «не имеющих большой исторической ценности». Среди них были такие интересные памятники старины, как церковь Рождества Богородицы, Зимний храм церкви Варвары Великомученицы и церковь Богоявления (ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 3. Д. 1. Л. 251).

Местные органы власти стремились быстрее закрыть и переоборудовать многие храмы без учета их художественной и архитектурной ценности. При этом основания для их сноса часто не соответствовали действительности. Так, в августе 1929 года Ярославский горсовет попросил Ивановский Облоно дать санкцию на разборку пяти церквей, в том числе: летняя Варвары Великомученицы, Рождества Христова, летняя Петра и Павла. Основаниями для этого назывались ветхость, неиспользуемость и отсутствие художественной ценности. Музейные работники пытались воспрепятствовать этому. Так, еще 25 июля 1929 года Ярославский музей в письме в Ярославский окружной исполком категорически

возражал против сноса этих церквей и особо подчеркнул, что первые три из них являлись памятниками высшей категории. Работники музея обратили внимание и на то, что их даже не пригласили на рассмотрение этого вопроса. Тем не менее Главнаука 21 августа 1929 года дала согласие на снос этих церквей. Ярославское отделение Центральных государственных реставрационных мастерских было вынуждено обратиться в Наркомат просвещения. В письме от 20 августа 1929 года было отмечено, что в охране памятников культуры грубо нарушается законность, а непонимание исторического и художественного значения памятников приводит к тому, что разрушаются ценнейшие храмы. Работники музеев отмечали также, что сносом таких храмов как церкви Петра и Павла, Варвары Великомученицы, Богоявления и других Советская власть восстанавливала против себя «мыслящих и понимающих людей». В письме обращено внимание и на то, что государственные органы по охране памятников (отдел охраны памятников искусства и старины, Главискусство) в этой ситуации были вынуждены выполнять «унизительную роль безмолвного статиста» и ничего не могли сделать против «ничем не оправданного варварства» (ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 3. Д. 1. Л. 253).

Варварское отношение к памятникам церковной архитектуры отрицательно отражалось и на работе самих музеев. Так, здание бывшего Троицкого собора (16 век), состоящее на учете в Главнауке и предназначенное для размещения антирелигиозного отдела Александровского музея, осенью 1929 года было занято под склад муки. Только после письма Ивановского областного музея в Облисполком в здании храма начал оборудоваться антирелигиозный отдел. Под склады незаконно были заняты также подвалы Покровского собора, Успенской церкви, Троицкого собора (ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 3. Д. 1. Л. 64, 66). Переславль-Залесский музей был выселен из Даниловского монастыря, здание которого было отдано облвоенкомату (ГАИО. Ф. Р-1510. Оп. 1. Д. 3373. Л. 41).

В сложившейся ситуации господствовали вседозволенность и беззаконие. При этом трудно было найти

виновников совершенного произвола. Например, Переславский музей без ведома райисполкома был выселен из бывшего Горицкого монастыря (ГАИО. Ф. Р-1510. Оп. 1. Д. 3460. Л. 60-61).

Произвол приводил к утрате и порче ценных экспонатов. Так, в результате переселения Юрьев–Польского музея погиб архив монастыря. При переводе Суздальского музея в другое помещение были украдены изделия из серебра. В письме в Облоно и Главнауку 22 декабря 1929 года Областной музей потребовал запретить выселение музеев (ГАИО. Ф. Р-1510. Оп. 1. Д. 3373. Л. 41, 48).

В результате варварского отношения в конце 1931 года осталось только 38 из 44 памятников церковного зодчества высшей и 93 из 124 – первой категории, состоящих на учете Главнауки на территории Ивановской Промышленной области (ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 1. Д. 3. Л. 103-107).

Таким образом, в вопросе об отношении к памятникам церковной культуры сложилось два противоположных подхода. Первый из них заключался в бережном сохранении храмов, предметов религиозного культа как памятников истории и культуры. Закрытые храмы должны были стать центрами культуры, музеями, а предметы культа – их экспонатами. Эту точку зрения отстаивали многие работники музеев, искусствоведы и архитекторы. Им противостояли воинствующие атеисты, которые считали, что большинство храмов – лишь «очаги мракобесия», не имеющие никакой исторической ценности, следовательно, в их сохранении не было необходимости.

Этот конфликт особенно ярко проявился в отношении к предметам религиозного культа, находящимся в музеях и церквях. Так, в конце 1929 года сотрудник Александровского музея Ф.Г.Крюков написал в газету «Правда», что церковная утварь (подсвечники, кадила, ризы, и т.д.) являются хорошим материалом для металлолома. В Александровском музее находится до 150 риз из бархата и шелка. По его мнению, культовое имущество не имело ценности, поэтому 95% экспонатов подобного рода из музея следовало изъять. Ф.Г.Крюков обвинил музейных работников

Александрова в непонимании политических задач борьбы с религией, что выразилось в умышленном сопротивлении сдаче ценностей, и сделал вывод о том, что отбирать экспонаты должны не работники музеев, а «коммунисты–культурники». Подобные идеи нанесли большой вред сохранению культурного наследия прошлого. Так, комиссия по выявлению в музеях Ярославского округа имущества немусейного значения в декабре 1929 года отметила слабое руководство работой местных музеев со стороны Главнауки, Округного отдела народного образования и Округного финансового отдела. Она подчеркнула, что аппарат музеев «засорен чуждым социальным элементом», который не может правильно вести работу по выявлению имущества немусейного значения, учет госфондов, его хранение и реализация поставлены плохо. Комиссия решила пересмотреть состав сотрудников Ярославского и Ростовского музеев с «точки зрения его способности выполнять эту работу» (ГАИО. Ф. Р-1510. Оп. 1. Д. 3373. Л. 25-31, 38). Таким образом, работники музеев, стремившиеся сохранить памятники прошлого, считались «чуждым социальным элементом».

Настроения о ненужности сохранения предметов религиозного культа, как памятников истории распространялись в обществе. Так, 6 апреля 1930 года Ярославский Округной финотдел предложил использовать часть икон в качестве столярного материала для местных деревообрабатывающих организаций, а остальные иконы, непригодные для этой цели, сдавать местному управлению ОГПУ для сожжения [4, с. 31]. А 4 мая 1930 года Президиум Ивановского Областного Совета Союза воинствующих безбожников (СВБ) заслушал доклад Областного музея «О реализации ценностей и фресок с церковью 12–17 века» и отметил недостаточную работу по реализации 560 «однотипных по эпохам памятников старины и лжеэкспонатов преимущественно церковной ценности». По его мнению, отсутствие «решительной постановки» этого вопроса лишало государство миллионов средств, которые можно получить за счет реализации «ненужного музеев имущества». Было принято решение внести предложение по

данному вопросу в Президиум Облисполкома и Центральный Совет СВБ (ГАИО. Ф. Р-1420. Оп. 7. Д. 3. Л. 114). Исходя из этого, Областной Совет СВБ 14 мая 1930 года в письме в Президиум Облисполкома предложил экспортировать церковные ценности, так как, по его мнению, большинство из них составляли «сомнительные реликвии». При этом было предложено снести 90% из 565 церквей постройки 12 – 17 веков, состоящих на учете Главнауки, оставив 1–2. Одновременно 25% суммы, полученной от реализации церковных ценностей, предлагалось выделить в бюджет антирелигиозных музеев. Президиум Облисполкома 19 мая 1930 года отклонил это ходатайство. Тем не менее за границу был продан целый ряд ценных экспонатов. Так, еще 11 марта 1930 года были признаны пригодными для экспорта: икона Новгородской школы 16 века, оцененная всего в 2500 рублей, и картина Фламандской школы 17 века на библейский сюжет, оцененная еще того меньше – в 1500 рублей (ГАИО. Ф. Р-1510. Оп. 1. Д. 3460. Л. 40, 57-58). 18 февраля 1932 года в газете «Северный рабочий» (Ярославль) было опубликовано письмо общественности с требованием сноса большинства церквей в городе и превращения оставшихся в антирелигиозные музеи. В нем говорилось: «Борьба против религии – борьба за социализм и армия безбожников не допустит, чтобы вопросы старины ставились выше вопросов социалистического переустройства города» [5].

Кроме того, отделы народного образования препятствовали сбору церковных ценностей для музеев, объясняя это их ненужностью. Так, Кинешемский Окроно запретил в 1929 году командировки работникам окружного музея в Макарьевский монастырь и в г. Юрьевец (ГАИО. Ф. Р-1510. Оп. 1. Д. 3373. Л. 41).

К началу 1930–х годов положение с охраной памятников церковного зодчества стало катастрофическим. Поэтому органы власти были вынуждены принять ряд мер для преодоления «вандализма» по отношению к памятникам церковной архитектуры. 9 июля 1932 года ВЦИК,

отметив факты нарушения законодательства о культурах, неправильного использования ликвидированных молитвенных зданий, потребовал от местных органов власти строго соблюдать Постановление ВЦИКа от 8.04.1929г (ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 1. Д. 3. Л. 110).

В 1932 году Ивановский облисполком также осудил факты грубых нарушений этого постановления: местные органы власти передавали молитвенные здания под склады, мастерские без санкции облисполкома, а также самовольно сносили их. Облисполком потребовал также от местных органов власти строго соблюдать закон (ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 1. Д. 3. Л. 108-110). В дополнение к этому Президиум Облисполкома 15 декабря 1932 года постановлением «Об охране памятников искусства, революции, старины, быта и природы» (ГАИО. Ф. Р-1510. Оп. 1. Д. 164. Л. 205, 210-211) запретил местным органам власти производить ремонт, реставрацию, снос памятников архитектуры, зарегистрированных Главнаукой, а также всех культовых зданий, построенных до 1800 года. Президиум Облисполкома запретил переустройство и переоборудование храмов, если они могут привести к нарушению их внешнего вида и архитектурной ценности как памятника. Все организации, нарушившие постановление, должны были произвести восстановительные работы за свой счет. За невыполнение этого постановления предусматривалась уголовная ответственность.

15 ноября 1933 года Президиум ВЦИКа и Постоянная Комиссия по вопросам культов в циркулярном письме еще раз напомнили о том, что при ликвидации каждого отдельного храма вопрос должен быть согласован с органами Наркомпроса и музеями (ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 1. Д. 3. Л. 81).

Однако и в середине 1930–х годов отношение к памятникам старины не изменилось. В 1932 – начале 1933 годов в 32 районах области было ликвидировано 179 церквей. Но только 44 из них использовались для культурно-просветительных целей: 28 переоборудовано под клубы, 4 – под школы, 12 – под музеи. Остальные использовались как склады, столовые и машинно-тракторные станции, 12 – не использовались вообще. При этом 12 церквей было снесено. Из 65 церквей,

закрытых в области в 1933 году, только 25 использовалось под клубы, школы, музеи, а 5 было снесено, в 1934 году в 34 районах из 99 закрытых церквей, соответственно 29 и 10. Были снесены памятники, имеющие историческое значение, например, церковь Иоанна Богослова в Ярославле, построенная в 1679 году, Спас–Преображенский собор в Костроме и другие (ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 1. Д. 9. Л. 16-20, 24, 26).

Такой подход в деле охраны памятников нанес непоправимый ущерб культуре. Музеи, не имевшие средств для сохранения и реставрации церквей и монастырей, были вынуждены сдавать их в аренду. Так в 1935 году поступили 14 музеев области в отношении 100 из 120 памятников архитектуры. В Суздале Спасо–Ефименский, Покровский, Ризположенский монастыри и Смоленская церковь использовались НКВД, 15 церквей переоборудовано под склады, остальные под пригородное хозяйство, общежития, машинно-тракторную станцию. Только Рождественский собор, колокольня и архиерейский дом использовались самим музеем (ГАИО. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 51. Л. 113, 189). При этом НКВД располагал помещения бесплатно.

В Костроме только собор Ипатьевского монастыря использовался музеем, а его подвал, усыпальница, звонница были заняты фабрикой, Орсом и складом зерна, в ограде с башнями находились свинарник и судомеханический завод (ГАИО. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 51. Л. 132).

Согласно инструкции Наркомата просвещения от 13 декабря 1934 года (ГАИО. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 51. Л. 47) и Постановления Совнаркома от 2 июня 1933 года [7, с. 197] арендная плата зачислялась в специальные средства Наркомпроса и использовалась только на ремонт и реставрацию этих памятников. Музеи при этом должны были отвечать за сохранность памятников и проверять соблюдение арендаторами условий договора, которые предполагали предоставление помещений церквей и монастырей в аренду только при условии их сохранения арендаторами как памятников архитектуры. Все работы по ремонту музеев возлагались на аппарат

музейного отдела Наркомпроса (ГАИО. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 51. Л. 47).

Но на практике этого не соблюдалось. Так, Костромской музей должен был получить 11 тысяч 379 рублей арендной платы, а получил только 3 тысячи 810 рублей. При этом все средства, которые музеи получали от эксплуатации памятников, шли только на их содержание и на реставрацию быть использованы не могли. Например, 6 тысяч рублей, полученных за аренду четырех владимирских церквей, расходовались только на отопление, освещение, зарплату сотрудникам и т.д. (ГАИО. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 51. Л. 95, 105, 127, 132).

Зачастую арендаторы не выполняли условий договора об охране памятников. В Рыбинске, например, за время нахождения в Казанской церкви электросварочной мастерской были сняты главы и закопчена живопись, а при постройке в 1935 году стеллажей для архива она была поцарапана (ГАИО. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 51. Л. 113, 13).

В Ярославле большинство памятников так же было сдано в аренду различным учреждениям и использовалось под склады, мастерские, магазины. Состояние икон, росписи, фресок в них было катастрофическим. Церковь Богоявления – один из лучших памятников архитектуры города, была занята под склад, ее роспись покрыта слоем муки, у церкви Вознесения были разобраны пять глав. Нижняя часть Владимирской церкви, также сданной под склад, была забелена арендаторами. Во всех церквях были разобраны иконостасы, многие из которых были вообще уничтожены. Только церкви Ильи Пророка, Иоанна Предтечи и Рождества Христова находились в состоянии, пригодном для экскурсионного использования. В 1935 году в Кинешемском районе у 5 из 28 церквей, состоящих на учете Главнауки, был изменен внешний вид (ГАИО. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 51. Л. 17, 62).

В совершенно неудовлетворительном состоянии находились многие замечательные памятники Древней Руси. Так, здание Дмитриевского собора во Владимире, построенное в 12 веке, дало трещины, Успенский собор (12–13 век) требовал ремонта крыши, церковь Покрова на Нерли (12 век) находилась в «беспризорном состоянии», а все поздние пристройки к ней

были разрушены. Ризположенский и Спасский монастыри в Суздале требовали реставрационных работ. Неудовлетворительной была и сохранность музеев Александровской слободы. Златоустовская церковь в Суздале (17 век) была снята с учета как утратившая значение в результате больших переделок (ГАИО. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 51. Л. 17, 23, 62, 76, 243-244). В Ростове Великом 12 из 22 церквей было снесено, при этом хорошо сохранились только две церкви. Из 5 архитектурных ансамблей монастырей этого города ни один не сохранился полностью [3, с. 16,19].

Таким образом, в сложившихся условиях музеи не могли гарантировать сохранность памятников церковного зодчества. Положение в деле охраны памятников архитектуры в области было крайне неблагоприятным. Лишь в некоторых местах была обеспечена их сохранность. Так, в хорошем состоянии находились памятники архитектуры, состоящие на учете во Владимирском районном музее. По сообщению Суздальского музея, их общая сохранность также была хорошая. В удовлетворительном состоянии были и здания, находящиеся в пользовании религиозных организаций, например, три церкви в Ярославле (ГАИО. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 51. Л. 5-6, 10, 17, 24).

Музеи остро нуждались в средствах на реставрацию храмов, которые не выделялись местными органами власти. Так, в 1935 году Президиум облисполкома отклонил ходатайство об утверждении сметы расходов на ремонт и реставрацию Дмитриевского собора во Владимире, церкви Покрова на Нерли, одного из соборов Суздаля, на реставрацию которого ранее было выделено только 2668 рублей (ГАИО. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 51. Л. 113, 189). В 1935 году было намечено отремонтировать лишь Ипатьевский монастырь и Воскресенскую церковь на Дебре в Костроме. Кроме того, в 1930-е годы имели место многочисленные факты вандализма в отношении такого памятника религиозной культуры как иконы. Так, в Угличе были уничтожены 62 иконы, из них 47 – работы 15–17 веков. Часть икон

Толчковской церкви Ярославля из-за разрушения грунта и сырости находилась в ужасающем состоянии. Тем не менее, в ряде музеев их состояние было хорошим. Например, в Ярославле, Владимире, Борисоглебском (ГАИО. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 51. Л. 17, 16, 95, 38, 39, 245).

Критическое положение в области охраны памятников старины беспокоило органы народного образования. 18 октября 1935 года инспектор по делам музеев в докладной записке заведующему Облоно Ильину сообщил о неудовлетворительном состоянии Дмитриевского и Успенского соборов и церкви Покрова на Нерли. В свою очередь Ильин в докладной записке председателю Облисполкома Аггееву С.П. и первому секретарю обкома ВКП (б) Носову И.П. напомнил о том, что согласно Постановлению Президиума ВЦИКа от 20 марта 1935 года в области 500 памятников имеют историческое значение и подлежат государственной охране, и сообщил, что, несмотря на это, многие местные органы власти не только не содействуют их охране, но и допускают их разрушение. Одновременно отмечался ряд таких фактов вандализма как разрушение башни бывшего Спасского монастыря 16–17 веков, ограды церкви Иоанна Златоуста (17 век) в Ярославле, порча внутреннего убранства церкви Воскресенья на Дебре в Костроме и памятников в с. Кидекше Суздальского района. Ильин отметил также, что многие памятники требуют немедленного ремонта, однако средства на него не были выделены и попросил обсудить вопрос об охране памятников в области с вызовом председателей ряда райисполкомов и горсоветов (ГАИО. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 51. Л. 243-245).

На заседании Президиума облисполкома 22 ноября 1935 года был обсужден вопрос «О мероприятиях по охране памятников старины, искусства и культуры». Были осуждены многочисленные случаи порчи, уничтожения исторических памятников, нарушения Постановления ВЦИКа РСФСР от 10 августа 1933 года [8, с. 253] и Президиума Облисполкома от 15 декабря 1932 года. Работники местных органов власти были предупреждены о том, что при повторении подобных фактов они будут привлекаться к уголовной ответственности. Было решено

проверить состояние памятников архитектуры в городах области и заслушать этот вопрос на Президиуме облисполкома (ГАИО. Ф. Р-1510. Оп. 1. Д. 612. Л. 83-84). Специальным циркуляром Президиум Облисполкома предложил Горсоветам и райисполкомам строго соблюдать Постановление Президиума Облисполкома от 15 декабря 1932 года и ВЦИКа от 10 августа 1933 года. В свою очередь, Облоно в июне 1935 года обратился к областному прокурору с просьбой привлечь к уголовной ответственности виновных в незаконном сломе церкви Никольского монастыря, который направил соответствующее требование в адрес прокурора Гороховецкого района (ГАИО. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 51. Л. 194-195, 246).

Таким образом, антирелигиозная политика нанесла громадный ущерб культурному достоянию России. Закрытые культовые здания использовались под склады, мастерские, фабрики, менялся их внешний и внутренний вид, многие утратили художественную ценность. Большая часть храмов постройки 19–20 веков вообще была снесена как «не имеющая художественной и исторической ценности». Музеи не могли обеспечить сохранность культовых зданий как памятников архитектуры. Многие предметы религиозного культа, имеющие большую художественную ценность, были утрачены навсегда.

Всего на территории Ивановской области (в границах 1936 года) за период 1917–1935 годов было ликвидировано 570 культовых зданий. 40 из них было снесено. Остальные использовались как культурно-просветительные учреждения (131), жильё и учреждения (34), склады (191), мастерские и заводы (52), торговые организации (5), 117 не использовалось (ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 3. Д. 440. Л. 50).

Подобное отношение к памятникам церковного зодчества вело к обеднению культуры, отрицательно сказывалось на духовной жизни общества. Значительный пласт русской культуры, создававшийся веками, деятельность многих поколений русских зодчих и художников практически были вычеркнуты из культурного достояния народа. Разумные идеи Луначарского А.В. о

необходимости сохранения памятников церковной архитектуры, превращения их в часть новой советской культуры были отвергнуты. Вместе с религией уничтожалась и культура. Осквернение храмов, монастырей, повреждения их внешнего и внутреннего вида являлись «ничем неоправданным варварством».

Очевидец событий 1930–х годов – протоиерей Дм. Константинов так описал это: «Курс, взятый Сталиным на полную ликвидацию «религиозных пережитков в сознании людей», имел свои неисчислимы последствия. Страна в церковном отношении внешне представляла собой какую-то пустыню. По всей огромной стране одиноко возвышались ободранные колокольни и купола закрытых церквей, со снятыми крестами. Эти храмы стояли закрытые и совершенно пустые. В них царил мерзость запустения. Во многих из них были устроены склады овощей, зерна, различных товаров, были устроены ремонтные мастерские, иногда деревенские клубы, лекционные залы и т.д. Большинство же закрываемых храмов просто разрушалось и часто, проезжая по советским городам и деревням, можно было видеть зловещие руины, в беспорядке торчащие на городских и сельских площадях. И если кое-где в деревнях каким-то чудом уцелели открытые церкви (ибо Сталин не хотел окончательно ссориться с крестьянством), то в городах положение было совершенно катастрофическим. Можно было проехать ряд городов и не найти ни одной открытой церкви, а лишь обнаружить остатки когда-то здесь стоящих храмов» [1, с. 15].

В последующие периоды истории из опыта варварского отношения к памятникам церковного зодчества были извлечены серьезные уроки. В послевоенные годы во Владимире, Суздале, Ярославле, Ростове Великом были проведены реставрационные работы, созданы историко-архитектурные музеи-заповедники. Благодаря самоотверженному труду ученых-реставраторов большинству сохранившихся храмов и монастырей был возвращен первоначальный вид, они вновь стали неотъемлемой частью культурного наследия России.

Библиографический список

1. Константинов Дм. Гонимая церковь. Нью-Йорк, 1967.
2. Луначарский А.В. Почему нельзя верить в бога? Избранные атеистические произведения. М., 1965.
3. Мельник А. Уничтоженные храмы Ростова Великого // Московский журнал. 1991. № 11. С. 16-19.
4. Родина. 1992. № 8–9.
5. Северный рабочий. 1932. 18 февраля.
6. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1929. № 35. Ст. 353.
7. СУ РСФСР. 1933. № 37. Ст. 136.
8. СУ РСФСР. 1933. № 44. Ст. 179.

©Ревякин Е.С., 2017